

УДК 343.1

Ирина Павловна ПОПОВА,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Восточно-Сибирского института МВД России (г. Иркутск),
председатель Усть-Илимского городского суда
Иркутской области в почетной отставке,
кандидат юридических наук

irinabaikal@mail.ru

ОПТИМИЗАЦИЯ СРЕДСТВ ДОСТИЖЕНИЯ БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ СТОРОН В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

OPTIMIZATION OF MEANS FOR ACHIEVING A BALANCE OF INTERESTS OF THE PARTIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

В статье обоснован вывод, что закрепленное в уголовно-процессуальном законе назначение уголовного судопроизводства нуждается в ревизии. Через призму восстановительного правосудия анализируются процессуальные средства достижения назначения уголовного судопроизводства и баланса интересов сторон в досудебном и судебном производстве, в качестве одного из таких средств рассмотрен обвинительный приговор без назначения наказания.

The author substantiates in the article the conclusion that the infliction of criminal proceedings, enshrined in the criminal procedure law, needs to be reviewed. Through the prism of restorative justice, the procedural means for achieving the infliction of criminal proceedings and the balance of interests of the parties in pre-trial and court proceedings are analyzed; a conviction without sentencing is considered as one of such means.

Ключевые слова: назначение уголовного судопроизводства, стороны, суд, процессуальные интересы, восстановительное правосудие, приговор.

Keywords: *infliction of criminal proceedings, the parties, the court, procedural interests, restorative justice, sentence.*

Декларативность отдельных положений уголовно-процессуального закона, отсутствие единства следственно-судебной практики, современные тенденции развития отечественного законодательства выявляют потребность в новой идеологии уголовного правосудия, ориентированной на восстановление нарушенных преступлением отношений с минимальным карательным воздействием, а также на соблюдение разумного баланса интересов государства и личности. В этих условиях одним из актуальных вопросов уголовного судопроизводства является поиск оптимальных средств достижения его назначения в части определения соответствующей степени воздействия на обвиняемого в ходе

досудебного производства и подсудимого при постановлении обвинительного приговора, выборе его вида.

При этом вопросы поиска процессуальных средств достижения баланса интересов сторон в досудебном производстве редко обсуждаются в научной литературе, а основным итоговым решением суда в современном российском уголовном судопроизводстве является обвинительный приговор. Согласно статистике Судебного департамента при Верховном Суде РФ (URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>) доля оправдательных приговоров в 2010-2011 гг. составляла 1%; начиная с 2012 г. наблюдается тенденция сокращения их числа: в 2014 г. – 0,7%, в 2015 г.

– 0,6%; в 2016 г. – 0,5%; в 2017 г. – 0,4% от числа всех постановленных приговоров судами первой инстанции в судах общей юрисдикции.

Представляется, что одной из причин отсутствия достаточного внимания ученых к указанным вопросам является в том числе наличие определенных стереотипов, сложившихся на протяжении длительного времени по вопросам о функциях сторон и о формах реализации уголовной ответственности. В целом научная дискуссия о функциях уголовного судопроизводства ведется на протяжении длительного времени, и, как верно отмечается, учение о функциях является одним из наиболее противоречивых [16, с. 158].

Среди различных точек зрения о самом понятии термина «функция» можно выделить несколько. Так, процессуальная функция рассматривается как: 1) специальное назначение и роль его участника; 2) круг деятельности участников уголовного процесса; 3) направление деятельности участников уголовного судопроизводства [27, с. 33-49]. Последняя позиция, высказанная М.С. Строговичем, и была взята за основу при обсуждении доктринальных положений учения о процессуальных функциях. Именно М.С. Строгович являлся и сторонником наличия трех уголовно-процессуальных функций: 1) обвинения (уголовного преследования); 2) защиты; 3) разрешения дела, подчеркивая, что в деятельности следователя сочетаются все три основные процессуальные функции [23, с. 189, 226]. О том, что при современном построении досудебного производства следователь выполняет три уголовно-процессуальные функции, писала Г.П. Химичева [29, с. 61].

Возражая такой позиции, В.В. Колодко обоснованно полагает, что выделение в деятельности следователя противоположных функций: обвинения, защиты, разрешения уголовного дела – противоречит логике и психологии человека. По его мнению, следователь не может одновременно или поочередно обвинять, защищать, разрешать уголовное дело, а должен выполнять только одну присущую ему уголовно-процессуальную функцию – расследования [12, с. 11-12].

Многие исследователи выделяют множество функций. Так, П.С. Элькинд рассматривала шесть процессуальных функций и указывала, что все функции, не будучи равнозначны, тем не менее взаимосвязаны. Она подчеркивала, что если без функции обвинения, защиты, судебного рассмотрения и разрешения уголовного дела невозможно судопроизводство, то другие функции могут либо вообще отсутствовать, либо находить частичное выражение. Разделение функций на основные, вспомогательные и побочные, как полагала П.С. Элькинд, с учетом определенного значения каждой из них требует, чтобы все участники уголовного судопроизводства были обеспечены достаточно реальными гарантиями для осуществления возложенных функций [32, с. 59-67].

Рассматривая систему функций участников уголовного судопроизводства, Д.М. Берова выделяет функции и подфункции, а в числе основной функции следователя, выполняющего функцию обвинения в полном объеме (кроме обоснования обвинения в суде), указывает, что он осуществляет следующие функции: сквозную функцию охраны прав и свобод человека и гражданина (например, обеспечение прав всех участников следственного действия); властно-распорядительную функцию – принятие решений по делу (например, об участниках уголовного судопроизводства – признании потерпевшим и др.); функцию принятия мер по обеспечению вреда, причиненного преступлением, либо возможной конфискации имущества (розыск похищенного, наложение ареста на имущество и др.); превентивную (предупредительную) функцию – выявление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, и принятие мер к их устранению [4, с. 224-232].

Вместе с тем законодателем нормативно закреплена концепция трех уголовно-процессуальных функций: функции обвинения, функции защиты и функции разрешения уголовного дела по существу. На основе указанной классификации функций, на первый взгляд, отражающих интересы участников уголовного судопроизводства, в уголовно-процессуальном законе на две стороны раз-

граничены и участники уголовного судопроизводства: участники со стороны обвинения (выполняющие функцию обвинения (уголовного преследования)) и участники со стороны защиты (выполняющие функцию защиты от обвинения) (п.п. 45, 46 ст. 5 УПК РФ). В уголовно-процессуальном законе подчеркивается, что суд, рассматривающий уголовное дело по существу и выносящий решения, предусмотренные УПК РФ, не является органом уголовного преследования и не выступает на стороне обвинения или стороне защиты (п. 48 ст. 5, ч. 3 ст. 15 УПК РФ). Также в уголовно-процессуальном законе (глава 8 УПК РФ) регламентирован процессуальный статус иных участников уголовного судопроизводства, также не выступающих ни на одной из сторон. Однако такая нормативная регламентация не пресекла научную дискуссию относительно классификаций функций и участников уголовного судопроизводства [24; 25].

Соглашаясь с мнением Л.В. Головки, что данная концепция разграничения процессуальных функций не является универсальной научной теорией [9, с. 54], следует подчеркнуть, что анализ процессуальной деятельности участников уголовного судопроизводства свидетельствует о том, что участники, выполняющие ту или иную функцию, могут осуществлять процессуальную деятельность, относящуюся к функции другой. К примеру, следователь, как участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения (ст. 38 УПК РФ), принимая решение о прекращении уголовного дела (уголовного преследования), тем самым реализует функцию разрешения уголовного дела по существу, которая свойственна суду в ходе судебного разбирательства. Выполняя требования ст. 73 УПК РФ, следователь, осуществляя функцию обвинения, выясняет обстоятельства совершения преступления и, будучи субъектом доказывания по уголовному делу, собирает в том числе доказательства, оправдывающие лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, то есть процессуальные действия, свойственные стороне защиты. В этой связи Р.В. Мазюк обоснованно отмечает, что в данном случае функции сторон как направления деятельности в качестве ориен-

тира имеют идеальные цели, к достижению которых они и суд стремятся [15, с. 63].

В.В. Уланов, рассматривая совместимость функций обвинения и защиты, полагает их производными от такой функции следователя, как функция исследования обстоятельств дела, а осуществление той или иной из них, по его мнению, находится в зависимости от результатов исследования этих обстоятельств. В.В. Уланов справедливо отмечает, что часто следователь получает доказательственную информацию, направленность которой на изобличение либо на оправдание в момент получения нельзя определить. Как обоснованно полагает ученый, выяснить это возможно только при оценке и сопоставлении с другими доказательствами, но при этом не вполне ясно формулирует вывод о том, что «это нельзя возводить в ранг обязательной для следователя функции». Более того, В.В. Уланов, рассматривая функцию расследования дела, полагает, что перед следователем, как должностным лицом, уполномоченным осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, как участником уголовного судопроизводства, стоит следующая задача: «обеспечивать правильное применение закона с тем, чтобы каждый, совершивший преступление, был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и безвинно осужден» [26].

Возникает закономерный вопрос: какие процессуальные действия должен выполнять следователь для достижения такой задачи? Каким образом принимаемые им решения влияют на справедливое наказание и осуждение невиновных, учитывая, что признать виновным и назначить наказание вправе только суд в приговоре? В поиске ответов на обозначенные и другие вопросы, вызванные оптимизацией уголовно-процессуальной формы, представляется необходимым рассмотреть проблему поиска баланса интересов сторон с учетом особенностей производства по уголовному делу на досудебных стадиях и в ходе судебного производства. Изначально основой для выделения трех процессуальных функций послужило закрепление принципа состязательности (ст. 15 УПК РФ). Прелом-

ляя действие данного принципа на разных стадиях уголовного судопроизводства и в дифференцированных производствах, не сложно отметить особую специфику его реализации в досудебной стадии и в сокращенных производствах.

Основным критерием для оценки законности и справедливости принятых решений выступает закрепленное в ст. 6 УПК РФ назначение уголовного судопроизводства, определяющее то, к чему должны стремиться все участники уголовного судопроизводства. К числу концептуальных вопросов уголовно-процессуальной науки относится содержание назначения уголовного судопроизводства, как определяющее цели уголовного правосудия, соответствующие правовые институты и нормы. Раскрывая назначение уголовного судопроизводства, законодатель подчеркивает, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (ч. 2 ст. 6 УПК РФ).

В юридической литературе имеет место научная дискуссия о том, что положения, закрепленные в ст. 6 УПК РФ, содержат назначение, цели или задачи уголовного судопроизводства. Представляется, что разграничение правовых категорий «цель», «задачи» и «назначение» уголовного судопроизводства представляет предмет самостоятельного изучения. В рамках данного исследования следует привести точку зрения И.В. Смольковой о том, что ст. 6 УПК РФ раскрывает, достижение каких результатов является принципиально важным для уголовного судопроизводства, будучи основой существования системы принципов, направленных на обеспечение этого назначения [22, с. 16]. Именно в данном контексте будет рассматриваться назначение уголовного судопроизводства.

Представляется, что игнорирование законодателем изменившейся парадигмы, отражающей современное состояние общественных отношений, и нарушения юридической техники в ч. 2 ст. 6 УПК РФ вызывает проти-

воречия как в самой норме, так и в отдельных основанных на ней положениях уголовно-процессуального закона. Обращает на себя внимание указание на такой аспект, как назначение справедливого наказания. Несмотря на то, что справедливость является одной из базовых социальных ценностей, излишним представляется включение в качестве назначения уголовно-процессуального судопроизводства положений о назначении справедливого наказания, поскольку это сфера правового регулирования уголовного права. Назначение справедливого наказания регламентировано и закреплено в качестве принципа справедливости в уголовном законе (ст. 6 УК РФ). К тому же назначение наказания является факультативным, в уголовном судопроизводстве возможны итоговые судебные решения, где наказание не назначается в связи с иной реакцией государства на преступление (например, постановление (определение) о прекращении уголовного преследования, оправдательный приговор, обвинительный приговор без назначения наказания). Главным вопросом уголовного судопроизводства является установление виновности, а не назначение наказания.

На методологическую ошибку в ч. 2 ст. 6 УПК РФ справедливо указывает Л.М. Аширова, подчеркивая, что логическое толкование указанной нормы предполагает возможность освобождения невиновных от наказания, чем презюмируется возможность привлечения невиновного к уголовной ответственности [3, с. 75]. С.А. Пашин, рассматривая итоги судебной реформы, также акцентировал внимание на дефект нормы: «Даже цели уголовного судопроизводства авторы не смогли уяснить и сформулировать грамотно: по их мнению, назначению процесса соответствует «освобождение невиновных от наказания» (ч. 2 ст. 6 УПК РФ), – хотя даже студент-второкурсник знает, что невиновных следует оправдывать, а институт «освобождения от наказания» существует в уголовном праве как раз для осужденных, то есть для виновных» [20]. Следует солидаризироваться с указанными авторами, поскольку невиновным не может быть назначено наказание, потому абсурдно рассматривать освобождение от наказания невиновных

в качестве назначения уголовного процесса, и с учетом изложенного представляется необходимым из положений ч. 2 ст. 6 УПК РФ исключить указание на «освобождение от наказания невиновных», так как это некорректная формулировка, использованная законодателем.

Изменение назначения уголовного судопроизводства, отказ от такого его элемента, как «назначение справедливого наказания», позволяет определить современную модель уголовного судопроизводства, отражающую стремление к восстановлению нарушенной преступлением справедливости. Кроме того это будет свидетельствовать об отказе от карательной модели в современной парадигме уголовного судопроизводства. Напротив, сохранение справедливого наказания в качестве цели уголовного правосудия обоснованно может расцениваться как единственно возможная реакция государства на преступление, что не соответствует современным общественным отношениям. В связи с изложенным ч. 2 ст. 6 УПК РФ предлагается изложить в следующей редакции: «2. Уголовное преследование и признание виновным в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, их оправдание, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию».

Для обеспечения баланса в защите и восстановлении интересов государства, общества и личности, пострадавших от преступления представляется оправданным разумное снижение степени уровня уголовной репрессии и карательного воздействия государства на личность, не противоречащее назначению уголовного судопроизводства и его принципам. Традиционное понимание дихотомии «преступление-наказание», как отмечено выше, обусловлено стереотипами мышления как законодателя, так и правоприменителя.

Как показывает изучение научной литературы, достижение назначения уголовного судопроизводства в досудебном производстве связано, как правило, с созданием условий для осуществления карательного права государства в качестве реакции на преступление, исходя из чего задачами досудебного

производства рассматриваются раскрытие и расследование уголовного дела, в предусмотренных законом случаях – разрешение его по существу. Между тем даже при наличии оснований и соблюдения соответствующих условий зачастую для принятия итогового решения, к примеру, о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон, уголовное дело направляется в суд. Обращаясь к такому направлению уголовно-процессуальной деятельности органов, осуществляющих уголовное преследование, как восстановление нарушенных преступлением правоотношений, обращаю внимание, что большинство процессуальных действий в досудебном производстве в этом аспекте связано с производством по гражданскому иску (принятие искового заявления, признанием гражданским истцом, ответчиком), и в редких случаях – выполнением обеспечительных мер, связанных с наложением ареста на имущество. Вместе с тем, обоснованно отмечают отдельные авторы, что имплементация международного принципа гуманизма требует переосмыслить существующие формы предварительного расследования, конечной целью чего должно стать в результате выработки соответствующих рациональных и эффективных методов обеспечение своевременной защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства [13, с. 71]. В этой связи С.М. Мальков справедливо обращает внимание на то, что одной из тенденций отечественной уголовно-правовой политики является стремление законодателя к расширению сферы частных интересов и компромиссных норм уголовного права, призванных к побуждению позитивного посткриминального поведения [17, с. 11-12].

Достижение назначения уголовного судопроизводства возможно только с помощью процессуальных инструментов, четко регламентированных законом на основе норм материального права. Одним из таких инструментов в досудебном производстве может выступать институт гражданского иска и, соответственно, актуально исследование возможности расширения его пределов. Также перспективным видится более широкое внедрение процессуальных форм реализа-

ции поощрительных норм уголовного права. В этой связи безусловный интерес вызывает анализ положительного опыта других стран, в том числе развития института возмещения вреда, причиненного преступлением, а также заслуживают внимания обоснованные предложения о регламентации в самостоятельной главе Общей части УПК РФ положений по возмещению вреда, причиненного преступлением, и об их расширении [14].

В судебном производстве в качестве процессуального средства достижения баланса интересов сторон может рассматриваться обвинительный приговор без назначения наказания. В данном итоговом судебном решении, венчающем рассмотрение уголовного дела по существу с разрешением вопроса виновности, суд дает оценку содеянного как преступления и принимает решение не назначать наказание. Само существование трех видов обвинительных приговоров позволяет дифференцировать уголовную ответственность, в целях чего суд реализует предоставленные ему законом дискреционные полномочия при наличии соответствующих оснований.

В юридической литературе чаще встречаются несколько характеристик значения приговора: процессуальное [6, с. 29-30], воспитательное (превентивное) [28, с. 16-19], социальное [10, с. 45]. В.Д. Адаменко рассматривает политическое (социальное) значение приговора, полагая, что в приговоре от имени государства в том числе отражается политика общества по борьбе с преступностью [1, с. 9-10]. Отдельные авторы отмечают, что помимо процессуального значения приговор обладает социально-правовым значением [8, с. 25-26], предупредительно-воспитательным значением [6, с. 31-32]. М.А. Чайковская выделяет компенсаторное значение приговора при наличии в нем решения по гражданскому иску [30, с. 14-19].

Значение приговора в целом можно рассматривать в процессуальном и социальном аспектах. Процессуальное значение отражает его роль как акта правосудия в системе иных решений в уголовном судопроизводстве. Социальное значение обвинительного приговора заключается в оценке социальной опасности содеянного от имени государства

и превентивном воздействии данного судебного решения как на осужденного, так и на всех членов общества. Представляется, что нет необходимости выделять как самостоятельное такое значение приговора, как воспитательное, поскольку все, что авторами относится к такой характеристике приговора, охватывается его социальным значением. Бесспорно, что приговор, являясь высшим актом правосудия, воздействует не только на сознание и поведение лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, но и на других участников уголовного судопроизводства, общество в целом, выступая средством формирования правового и нравственного сознания. Все доказательства виновности, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, его мотивы и поведение во время производства по делу в большинстве случаев исследуются в рамках открытого судебного разбирательства. Таким образом, принятый в итоге обвинительный приговор без назначения наказания также оказывает существенное воздействие на личность осужденного в рамках общей и частной превенции.

Для выяснения значения обвинительного приговора без назначения наказания следует рассмотреть правовые последствия его постановления. Привлечение к уголовной ответственности означает факт признания судом лица виновным в совершении преступления обвинительным приговором. Изложенное соответствует общему понятию юридической ответственности в праве, где фактическим основанием ответственности служит конкретно совершенное правонарушение, юридическим – описанный в законе состав преступления, при этом элементы правонарушения, подпадающие под признаки состава преступления, являются обязательными, а все прочие – факультативными условиями ответственности. Уголовная ответственность за преступление представляет акт официального государственного осуждения (прицания) совершенного преступления и лица, его совершившего, в форме обвинительного приговора суда, связанный, как правило, но не обязательно, с назначением и исполнением наказания, и только при назначении на-

казания, вступлении приговора суда в законную силу возникает такое уголовно-правовое состояние, как судимость [21, с. 13]. Подсудимый, признанный виновным обвинительным приговором без назначения наказания, становится осужденным на основании ч. 2 ст. 47 УПК РФ. Тем не менее вопрос, является ли он судимым и в течение какого срока, в законе не разрешен.

На основании ч. 2 ст. 86 УК РФ лицо, освобожденное от наказания, считается не судимым, соответственно, постановление обвинительного приговора без назначения наказания не влечет судимости, которая наступает лишь в случае назначения наказания и в зависимости от его вида, срока и порядка отбывания у осужденного наступает состояние судимости. Конституционный Суд РФ рассматривает судимость как правовое состояние лица, обусловленное фактом осуждения и назначения ему по приговору суда наказания за совершенное преступление и влекущее при повторном совершении этим лицом преступления, установленные уголовным законодательством правовые последствия (постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П).

Соответственно, сведения об осуждении обвинительным приговором без назначения наказания не учитываются при совершении таким осужденным нового преступления и не указываются в новом приговоре. Верховный Суд РФ обращает внимание, что если на момент совершения подсудимым преступления, в котором он обвиняется по рассматриваемому судом уголовному делу, его судимости сняты или погашены, то суд, исходя из положений ч. 6 ст. 86 УК РФ, не вправе упоминать о них во вводной части приговора. В таком случае суд указывает, что лицо является не судимым (постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре»).

К. Михайлов рассматривает судимость и как следствие одного осуждения обвинительным приговором [18, с. 44-45]. Данная позиция представляется не основанной на нормах закона, к тому же наказание в таком обвинительном приговоре не назначено, так как указанные цели достигнуты, потому

судимость и не возникает у осужденного обвинительным приговором без назначения наказания. Это позволяет утверждать, что не происходит стигматизации личности виновного, что отмечается сторонниками восстановительной модели правосудия в качестве негативного последствие назначения наказания и судимости.

Несмотря на то, что осуждение обвинительным приговором без назначения наказания не влечет судимости, уголовная ответственность реализуется, а само «признание лица виновным в совершении преступления является достаточно тяжким последствием преступления» [21, с. 171]. П.П. Осипов в этой связи верно отмечал, что публично провозглашенное официальным государственным органом (судом) осуждение вне зависимости от назначения и исполнения наказания оказывает влияние на авторитет осужденного, его положение в обществе и, с одной стороны, оказывает превентивное воздействие на осужденного, с другой – на общественное правосознание [19, с. 53–54].

А.Н. Величко и С.Н. Шатилович обоснованно полагают, что предупредительное воздействие уголовной ответственности без реализации в форме наказания проявляется в самом факте вынесения обвинительного приговора суда, так как, несмотря на то, что лицо освобождается от наказания, само виновное лицо, совершенное им деяние подверглись государственному осуждению [7, с. 15]. По мнению Ф.Н. Фаткуллина, с точки зрения, как общего, так и специального предупреждения эта форма реагирования судом на рассмотрение им обвинения несравнимо эффективнее, нежели прекращение дела, а постановлением любого вида обвинительного приговора одинаково достигаются как цели правосудия, так и обвинения [28, с. 116, 145]. Поэтому в отсутствие оснований для прекращения уголовного преследования обвинительный приговор без назначения наказания является судебным решением с наименьшим карательным воздействием к виновному, позволяет рассчитывать на его более быструю ресоциализацию.

Обвинительный приговор без назначения наказания выступает в качестве юридическо-

го факта, установление которого не приводит к уголовно-правовым последствиям для осужденного в виде судимости и назначения более строгого наказания в будущем при совершении нового преступления. Но такой приговор не исключает возможность наступления иных правовых последствий. Так, постановление обвинительного приговора без назначения наказания влечет такие процессуальные последствия, как предоставление осужденному права на получение копии приговора и его обжалование в нескольких проверочных инстанциях (ст. 312, 389.1, 401.2, 412.1 УПК РФ). Суд вправе взыскать с осужденного обвинительным приговором без назначения наказания процессуальные издержки на основании ст. 132 УПК РФ, что еще раз подчеркнуто в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.05.2018 № 11 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» (п. 3), которым дополнены соответствующие разъяснения, приведенные в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам». Обвинительный приговор без назначения наказания может быть постановлен в отношении несовершеннолетнего. В таком приговоре на основании ч. 8 ст. 132 УПК РФ суд вправе возложить обязанность возместить процессуальные издержки на законных представителей несовершеннолетних. В силу прямого указания в законе при постановлении обвинительного приговора без назначения наказания подсудимый, находящийся под стражей, подлежит немедленному освобождению в зале суда (п. 2 ст. 311 УПК РФ).

Для осужденного обвинительным приговором без назначения наказания наступает гражданско-правовая ответственность в виде обязанности возмещения имущественного ущерба, компенсации морального вреда, причиненных преступлением. Представляется, что процессуальные интересы потерпевшего могут быть реализованы и при постановлении обвинительного приговора без назначения наказания, так как осужденный имеет больше возможности по реальному исполнению ре-

шению суда по гражданскому иску, нежели при назначении наказания, особенно в виде лишения свободы, тем более, что, как правило, меры, направленные на заглаживание причиненного преступлением вреда, принимаются виновным еще до момента постановления приговора, что зачастую и учитывается судом при решении вопроса о наличии оснований постановления обвинительного приговора без назначения наказания. Именно заглаживание вреда, причиненного государству и личности, приведение нарушенных правоотношений в состояние «до прежнего» рассматривается в качестве одной из целей восстановительной модели правосудия.

Различными отраслями права предусмотрены и иные, общеправовые последствия не только судимости, но и осуждения лица. Одной из особенностей некоторых общеправовых последствий можно указать на их бесспорность. Так, сам факт осуждения обвинительным приговором даже без назначения наказания является препятствием к занятию должности судьи, прокурора (Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-«О статусе судей в Российской Федерации»). К иным неправовым последствиям можно отнести нравственно-психологические последствия осуждения, которые могут выражаться не только в собственных переживаниях осужденного, его близких, но и в проявлении отрицательного отношения к лицу и содеянному им со стороны других лиц, общества в целом.

В силу действия диспозитивности в случае, когда преступлением затронуты только частные интересы потерпевшего, он сам вправе решать, обращаться ли за его защитой к репрессивным государственным органам. Именно соблюдение разумного баланса публичных и частных интересов составляет основу современной парадигмы уголовного правосудия. Диспозитивные начала влияют на возможность выбора формы судопроизводства, что, в свою очередь, влияет на содержание приговора. Так, в обвинительном приговоре, постановленном по итогам рассмотрения уголовного дела в порядке главы 40 УПК РФ, суд не приводит содер-

жание и оценку доказательств, поскольку они не исследуются в судебном заседании. А.И. Шмарев отмечает, что усиление начал диспозитивности законодателем привело к тому, что не только содержание судебного разбирательства, но и судебный приговор по определенным параметрам ставятся в зависимость не только от результатов судебного исследования доказательств, но и от позиции волеизъявления сторон [31, с. 3].

Законодатель предусмотрел, что приговор, постановленный по итогам сокращенных производств (ст. 226.9, 316 и 317.7 УПК РФ), не обладает свойством преюдициальности. На основе этого отдельные авторы рассматривают такой приговор как новый самостоятельный вид обвинительного приговора – «согласительный приговор», в котором не должно отражаться его постановление именем государства, что, на их взгляд, отражает природу такого судебного разбирательства как согласительного вида процессуального производства. Так, по мнению М.Т. Аширбековой и В.Н. Троневой, новое название данного приговора подчеркнет значимость примирительных (согласительных) процедур, в основе которых избранной сторонами способ разрешения уголовно-правового конфликта, как средства защиты их интересов [2]. Рассматривая приведенную позицию, следует согласиться, что приговоры, постановленные по результатам сокращенных производств, имеют существенные отличия, обусловленные отсутствием исследования доказательств виновности с участием сторон в общем порядке судебного разбирательства и их последующей оценкой судом в приговоре, однако нельзя не отметить, что такая позиция является достаточно дискуссионной, поскольку не отражает публичное начало, присущее уголовному судопроизводству.

А.А. Брестер вообще ставит под сомнение уголовно-процессуальный характер рассмотрения дела в особом порядке и считает, что отсутствует не только судебное разбирательство и доказывание, но и уголовный процесс как таковой, а имеется только специальная процедура по назначению наказания. Он оценивает такую процедуру как исключительную и внесудебную, и, по его мнению,

решения, вынесенные в таком порядке, не должны именоваться приговорами [5]. Представляется, что для таких категоричных выводов не имеется оснований. Судебное решение по итогам судебного разбирательства в особом порядке принимается только судом и от имени государства, при этом не исследуются только доказательства виновности. Доказательства, характеризующие сведения о личности подсудимого, исследуются, им дается оценка в приговоре. Суд обязан убедиться в обоснованности обвинения путем изучения доказательств, но без участия сторон и вне судебного заседания. Таким судебным решением вопрос виновности разрешается, рассматривается и вопрос наказания. Следовательно, данное итоговое судебное решение является приговором. Вместе с тем, солидаризируясь с опасениями авторов о неоправданном распространении практики особого порядка судебного разбирательства и опасности для защиты лица от незаконного и необоснованного обвинения в связи с этим, следует согласиться и с предложениями, что особый порядок может распространяться только на уголовные дела о преступлениях небольшой и средней тяжести при усилении процессуальных гарантий процедуры судопроизводства [5, с. 140; 11, с. 134].

Обвинительный приговор без назначения наказания является итоговым судебным решением, которым виновное лицо привлекается к уголовной ответственности. Данным судебным решением завершается по существу разрешение уголовного дела, устанавливается виновность как основание уголовной ответственности. В нем, как в акте правосудия, от имени государства дается отрицательная оценка содеянному преступлению и личности виновного на основе норм уголовного права в установленном уголовно-процессуальном порядке. Такая форма реализации уголовной ответственности не влечет такого самого сурового уголовно-правового последствия, как судимость, применение которой в тексте уголовного закона находится в зависимости от вида и размера назначенного осужденному наказания, что не исключает иных общеправовых, в том числе негативных последствий для осужденного.

Подводя итоги исследованию обвинительного приговора без назначения наказания как одного из средств достижения баланса процессуальных интересов сторон, следует отметить следующее. К уголовно-правовым последствиям следует отнести то, что данным приговором лицо признается виновным и становится осужденным. Сведения об осуждении обвинительным приговором без назначения наказания не учитываются в случае совершения нового преступления таким осужденным, не указываются во вводной части нового приговора и не влекут усиление его ответственности. К уголовно-процессуальным последствиям можно отнести взыскание с осужденного процессуальных издержек. Осужденный имеет право на обжалование такого приговора, и в случае избрания ему меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста, указанные меры пресечения отменяются после провозглашения приговора немедленно. К гражданско-правовым последствиям можно отнести возложение обязанности возместить вред, причиненный преступлением. К общеправовым последствиям можно отнести возникновение ограничений при трудоустройстве на отдельные должности и запретов на выполнение некоторых профессиональных обязанностей (препятствия к выполнению которых предусмотрены федеральным законодательством в связи с осуждением).

Резюмируя изложенное, следует подчеркнуть, в первую очередь, значимость и необходимость ревизии назначения уголовного судопроизводства как определяющего вектора уголовно-процессуальной деятельности всех его участников. В условиях переходной модели уголовного судопроизводства от каратель-

ной к восстановительной актуализируется поиск эффективных процессуальных средств для восстановления нарушенной уголовно-правовым конфликтом справедливости, при этом должны учитываться особенности конкретной стадии производства по уголовному делу. Назрела и необходимость расширения диспозитивности сторон в поиске баланса процессуальных интересов. Для достижения указанных целей требуется дальнейшее исследование существующих процессуальных инструментов, их совершенствование и расширение. Особенностью досудебного производства по уголовному делу обусловлено, что достижение баланса интересов сторон возможно путем оптимизации института гражданского иска в уголовном процессе, активного внедрения медиативных технологий и реализации поощрительных норм уголовного права.

Для обеспечения баланса в защите и восстановлении интересов государства и личности, пострадавших от преступления, в условиях переходной модели парадигмы правосудия представляется оправданным разумное снижение карательного воздействия государства на личность, не противоречащее назначению уголовного судопроизводства и его принципам. Обвинительный приговор без назначения наказания является одним из эффективных процессуальных инструментов для решения этой задачи в судебной стадии уголовного судопроизводства. Оптимизация имеющихся и выработка новых процессуальных средств достижения баланса интересов сторон в уголовном правосудии может стать одним из перспективных направлений будущих исследований.

Библиографический список

1. Адаменко, В.Д. Приговор и его изменение в кассации / В.Д. Адаменко. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2000. – 196 с.
2. Аширбекова, М.Т. О некоторых видах приговора суда первой инстанции / М.Т. Аширбекова, В.Н. Тронева // Мировой судья. – 2017. – № 10. – С. 30-35.
3. Аширова, Л.М. Проблемы реализации принципа справедливости в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Луиза Мунавировна Аширова. – Уфа, 2006. – 261 с.
4. Берова, Д.М. Понятие и система функций в уголовном судопроизводстве / Д.М. Берова // Общество и право. – 2010. – № 4 (31) – С. 224-232.
5. Брестер, А.А. Об ошибочном отнесении особого порядка принятия судебного решения к уголовно-процессуальной деятельности / А.А. Брестер // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 12. – С. 140-146.
6. Бунина, А.В. Приговор как акт правосудия. Его свойства / А.В. Бунина. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2006. – 168 с.
7. Величко, А.Н. Профилактическая деятельность суда и ее место в системе предупреждения преступлений / А.Н. Величко, С.Н. Шатилович // Российская юстиция. – 2006. – № 1. – С. 13-18.
8. Головинская, И.В. Судебный приговор / И.В. Головинская, И.А. Остапенко. – Владимир: Изд-во Владим. ун-та, 2008. – 176 с.
9. Головкин, Л.В. Новый УПК Российской Федерации в контексте сравнительного уголовно-процессуального права / Л. В. Головкин // Государство и право. – 2002. – № 5. – С. 51-61.
10. Горбунова, Н.А. Приговор: содержание и порядок постановления / Н.А. Горбунова, А.Х. Никулина // Уголовный процесс. – 2015. – № 12. – С. 38-45.
11. Качалова, О.В. Теоретические основы ускоренного производства в уголовном процессе / О.В. Качалова. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 208 с.
12. Колодко, В.В. Уголовно-процессуальная функция расследования : автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Владимир Владимирович Колодко. – Челябинск, 2013. – 22 с.
13. Кутуев, Э.К. Направления гуманизации предварительного расследования / Э.К. Кутуев, О.А. Чабукиани // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2018. – № 1. – С. 70-74.
14. Лантух, Н.В. Институт возмещения вреда, причиненного преступлением, в уголовном судопроизводстве России: правовая природа, значение, перспективы развития / Н.В. Лантух, Э.В. Лантух // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 4 (76). – С. 94-100.
15. Мазюк, Р.В. Институт уголовного преследования в российском уголовном судопроизводстве / Р.В. Мазюк. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 216 с.
16. Мазюк, Р.В. О значении понятия «уголовное преследование» в системе уголовно-процессуальных функций / Р.В. Мазюк // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2010. – № 1 (5). – С. 158-162.
17. Мальков, С.М. Тенденции уголовно-правовой политики в Российской Федерации / С.М. Мальков // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2018. – № 2 (31). – С. 7-12.
18. Михайлов, К. Обвинительный приговор без назначения наказания: освобождение от уголовной ответственности или от наказания? / К. Михайлов // Уголовное право. – 2009. – № 2. – С. 42-45.
19. Осипов, П.П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций (аксиологические аспекты) / П.П. Осипов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – 134 с.
20. Пашин, С. Флюгер судебной реформы/ С. Пашин // Неволя. 2003. № 18. – URL: <http://index.org.ru/journal/18/18-pashin.html> (дата обращения: 7.02.2019).

21. Прохоров, В.С. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность / В.С. Прохоров, Н.М. Кропачев, А.Н. Тарбагаев. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. – 208 с.
22. Смолькова, И.В. Понятие и система принципов российского уголовного судопроизводства // Принципы современного российского уголовного судопроизводства / науч. ред. И.В. Смольковой. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 384 с.
23. Строгович, М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. / М.С. Строгович. – М.: Наука, 1968. – Т. 1. – 470 с.
24. Сычев, Д.А. Некоторые вопросы классификации уголовно-процессуальных функций в российском уголовном судопроизводстве / Д.А. Сычев // Право и политика. – 2015. – № 3 (183). – С. 357-367.
25. Тарнавский, О.А. К вопросу о процессуальных функциях в уголовном судопроизводстве России / О.А. Тарнавский // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2007. – № 3. – С. 8-17.
26. Уланов, В.В. Понятие и виды процессуальных функций следователя / В.В. Уланов // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. – 2009. – № 1 (48). – С. 30-31.
27. Участники современного российского уголовного судопроизводства : монография / науч. ред. И.В. Смолькова. – М., Юрлитинформ, 2017. – 440 с.
28. Фаткуллин, Ф.Н. Обвинение и судебный приговор / Ф.Н. Фаткуллин. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1965. – 532 с.
29. Химичева, Г.П. Некоторые замечания о реформе органов предварительного следствия в Российской Федерации / Г.П. Химичева // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 7. – С. 60-63.
30. Чайковская, М.А. Свойства приговора / М.А. Чайковская. – М.: Проспект, 2013. – 173 с.
31. Шмарев, А.И. Особый порядок судебного разбирательства (вопросы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Артем Иванович Шмарев. – Ижевск, 2004. – 226 с.
32. Элькинд, П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права / П.С. Элькинд. – Л.: Изд-во Ленингр. Ун-та, 1963. – 172 с.